

Сергей Терентьевич Семенов

Брюханы

Сергей Семенов

Брюханы

«Public Domain»

1905

Семенов С. Т.

Брюханы / С. Т. Семенов — «Public Domain», 1905

«...На одной окраине Москвы, близ Сокольников, есть Гуменная улица. Улица эта глухая, малонаселенная, с кое-какими деревянными домиками, набитыми разным сбродом. Изю всех построек улицы выделялась небольшая красивая фабрика, приютившаяся на конце улицы. Постройки ее состояли из двух двухэтажных корпусов, одного каменного, другого деревянного. Оба корпуса выходили на улицу только боком и тянулись параллельно внутрь двора, образуя между собою довольно порядочное пустое пространство...»

© Семенов С. Т., 1905

© Public Domain, 1905

Сергей Терентьевич Семенов

Брюханы

I

На одной окраине Москвы, близ Сокольников, есть Гуменная улица. Улица эта глухая, малонаселенная, с кое-какими деревянными домиками, набитыми разным сбродом. Из всех построек улицы выделялась небольшая красильная фабрика, приютившаяся на конце улицы. Постройки ее состояли из двух двухэтажных корпусов, одного каменного, другого деревянного. Оба корпуса выходили на улицу только боком и тянулись параллельно внутрь двора, образуя между собою довольно порядочное пустое пространство.

В каменном корпусе окна были широкие, как у казарм, и закоптелые, у деревянного же – обыкновенные, украшенные белыми кисейными гардинами.

По улице между корпусами тянулся деревянный забор с воротами посередине. На столбах ворот красовались два полинявших железных листа, на которых тусклыми буквами обозначалось, что дом принадлежит московскому купцу Е. Ф. Жарову и что он «свободен от постоя».

Лучше жаровской постройки был только дом напротив.

Он принадлежал, как значилось на доске, И. Х. Тейхер и напоминал своим фасадом особняк: он немного вдавался внутрь двора, перед окнами его каждую весну разбивался цветник, а на фронтоне красовались настоящие часы. Но этот дом тоже не был барским домом: изнутри его двора поднималась огромная светло-коричневая железная труба, коптившая небо каждый день, и из ворот его во время обеда и по вечерам выходили люди; старый, седой сторож в белом фартуке заставлял распахивать полы одежды выходивших мужчин или женщин и проводил руками по бедрам. Из Жаровской фабрики люди выходили только под праздники или в праздники. Тут людей жило не так много, и они по закону могли помещаться там, где работали.

Работали и помещались жаровские рабочие в одном каменном корпусе. Весь верх одной половины корпуса был занят кладовой и спальней красильщиков, внизу же была красильня. В красильне всегда кипели котлы, стоял удушливый запах растворенной кислоты, употреблявшейся при отбелке товара, клубился густыми облаками пар, сквозь который трудно было что-нибудь разглядеть с непривычки. В тумане мелькали люди, слышался говор, крик.

В другой части этого корпуса, в той, которая выходила на улицу, внизу помещалась клеильня и лежали камни для курченья окрашенного товара – гаруса и бумаги, а сверху – сушильня и спальня клеильщиков.

Спальня клеильщиков считалась более аристократическим местом, чем помещение красильщиков, так как мастерство клеильщиков было высшего разряда. Они получали больше жалованья, и им, как и красильному мастеру, ездоку и дворнику, полагался два раза в день хозяйский чай, а по праздникам по пшеничному пирогу, тогда как остальные рабочие не видали чаю всю неделю и пили его только в праздничные дни в трактирах. Сюда чаще, чем в красильню, заходил позубоскалить хозяйский брат, ведущий весь надзор за фабрикой, Иван Федорович, красивый русак лет пятидесяти, с длинной, серебристой бородой, прямыми чертами лица и твердым взглядом больших голубых глаз. Он ходил в высоких опойковых сапогах, в белой с крапинами рубашке, глухой жилетке, в люстриновых шароварах и при часах.

Его старший брат, хозяин этой фабрики, разнился с Иваном Федоровичем и фигурой, и чертами лица. Они у него были не так правильны: лоб низкий, нос луковицей, и в выражении лица и глаз не было той прямоты и твердости, как у Ивана Федоровича, – в них всегда скользила лукавая усмешка. Эта усмешка не сходила с его лица ни в разговорах с семейными, с давальцами, ни когда он делал какое-нибудь распоряжение насчет работы; только когда он

сердился, усмешечка пропадала, и то ненадолго: стоило ему вылить свой гнев, – и лицо его принимало опять обычное выражение, говорившее, что обладатель его никогда не испытывал больших забот и невзгод и никогда в нем не возникало мучительных, неразрешимых вопросов.

II

Братья Жаровы были природные мужики. Они выросли и женились в деревне, где-то в Дмитровском уезде. Жены их до сих пор повязывали головы платком. Жена старшего, толстая бездетная Соломонида Яковлевна, надевала в торжественных случаях зеленое шелковое платье с массой оборок и рюшек, сшитое лет двадцать назад; но сморкалась тогда в руку, причем руку вытирала об изнанку платья, поднимая для этого подол. Жена Ивана Федоровича иногда ходила с непокрытой головой и умела шить на машине. У нее была дочь Капа; ее уж Дарья Ивановна одевала, как барышню, и посылала учиться в начальное училище.

В Москве Жаровы поселились лет двадцать пять назад. До этого они жили в Москве набегом, поступая то на одну, то на другую фабрику. В одно время они поступили ручными ткачами к фабриканту Курчавому. Курчавый был фанатичный старообрядец, не любивший немецкого платья, табаку и всех «щепотников», никонианцев. К рабочим церковным он питал враждебные чувства и давал им основы похуже, к своим же единоверцам чувствовал неограниченную слабость. Жаровы были церковные, но трезвые, грамотные и оба жадные до работы. Один раз Егор Федорович пришел к хозяину в контору по делу. Хозяин был занят разговором с каким-то неизвестным на фабрике господином. Он укорял его за то, что от него пахнет табаком. Гость с улыбочкой защищался.

– Ну для чего ты сосешь это дьявольское семя? для чего, скажи? – горячо приставал к неизвестному Курчавый.

– Я курю табак, а не дьявольское семя, – мягко говорил гость. – У нас ничего нет от дьявола, а все от бога. Что растет, то богом создано; дьявол же не создает, а разрушает.

– А на что же он растет?

– Видимо, «на потребу» людям.

– Какая же это потреба – сатане уподобиться: изо рта дым изрыгать? Это мерзкий грех, а не потреба...

Жаров решился вмешаться в разговор и заметил:

– Вы говорите, что табак богом сотворен, а почему же на табачный цвет пчела не садится? На всякий цвет садится, а на табак нет!

– Да, вот скажи-ка! – поддержал ткача и хозяин.

– Должно, ей взять там нечего, – очень просто, – сказал гость и засмеялся.

– Нет, тут совсем другое дело... – молвил, качнув головой, Жаров и многозначительно поглядел на гостя.

Курчавому понравилось такое вмешательство ткача, и, когда гость ушел из конторы, он спросил Жарова:

– Ты что же, парень, стало быть, нашего согласия?

– Нет, я церковный, только в куреве не вижу никакого толку и думаю, что оно грех.

– Знамо, грех... А ты грамоту-то знаешь?

– Малость маракую.

– Може, и Писание читал?

– Приходилось. В деревне у меня книжки есть, а тут вот некогда, да и книг с собой не захватил.

Курчавый немного подумал, потом проговорил:

– Приходи ко мне когда; у меня книги хорошие, старинные, – почитаешь побольше, узнаешь, в чем грех-то.

Жаров взял у хозяина книгу, почитал, и, когда возвращал ее, хозяин опять затеял с ним разговор. После этого разговора Курчавый иногда сам стал завертывать к его стану, обходя фабрику, а через несколько времени перевел его в контору, дал какое-то пустяшное дело, назначил хорошее жалованье и стал уговаривать:

– А ты бы, Егорушка, бросил своих никонианцев да перешел к нам. Парень ты мозголый, а молишься шепотью и молитву не по правилу говоришь. Зачем ты называешь богородицу «благодатная Мария», когда ее следует величать «обрадованная Мария»?

– Мы, Николай Григорьевич, народ темный; чему нас, значит, учили, к тому мы и притвержены.

– И учили вас дураки, и живете вы дураками; а ты послушай-ка тех, кто с умом; може, складнее дело-то выйдет.

Жаров не устоял и «перековырнулся». Хозяин приблизил его еще более. Через год он умер и завещал наследникам выдать Жарову тысячу рублей. Наследники выдали ему тысячу рублей, но нашли его службу в конторе ненужной и хотели перевести его опять за стан. Егору Федоровичу это не понравилось. Он взял расчет, снял в Черкизове квартиру, переманил с фабрики брата и одного земляка, знавшего красильное дело, и открыл свою фабричку. На помощь братья выписали жен. Через год фабричка имела столько давальцев, что они одни еле успевали справляться с работой. Для дела оказалось неудобным и место и помещение, и через несколько времени на фабричке случился пожар. Красильня сгорела. Жаров получил страховку и нанял более подходящее помещение; обставил его, как следует, застраховал в двух обществах, и через три года и это помещение сгорело. На этот раз страховки Жарову вышло более десяти тысяч. Жаров перебрался на Гуменную улицу, купил этот дом и повел дело еще успешнее. А так как дело было очень простое, – при помощи Ивана Федоровича ему не нужно было ни конторы, ни администрации, а потребности у них были очень скромные, – то Егору Федоровичу оставались такие барыши, какие редко кто получал от фабричного предприятия в таком размере.

Старообрядчества Егор Федорович не кидал. Иван Федорович пробовал говорить ему, – зачем он держится такой веры; но Егор Федорович возражал ему тем, что по переходе в эту веру его бог удачей взыскал, – значит, эта вера богу приятней. И он, как и его бывший хозяин, стал пренебрегать «шепотниками», никонианцами и отдавал предпочтение старообрядцам.

III

В клеильне работало трое. Клеильный мастер, дядя Алексей, старый артиллерийский солдат, высокий, светлородый, немного кривоногий, трезвый, семейный. Он хотя имел в спальне уголок, но ночевать ходил на вольную квартиру, где у него жила жена. Он был богомольный, каждый праздник ходил к обедне, покупал копеечные листки и читал их. Он и другим советовал читать их, но его как-то мало слушали.

Другой клеильщик был Федор Рябой, действительно рябой, высокий, с бельмом на правом глазу. У него тоже была жена, но работала на другой фабрике. Иногда она приходила к нему, а то он отправлялся к ней.

Третий был Гаврила, живший в Москве одиноко. Жена и дети его находились в деревне. Он был маленький, худощавый, но жилистый, с редкой белокурой бородой, всегда в синей заскорузлой рубахе и рядновом фартуке. Кроме клеильщиков, тут помещались курчаки. Курчаки обязаны были выкрашенную и заклеенную бумагу курчить, то есть бить ее о камень до тех пор, пока она не сделается курчавою, как мелко завитые волосы. Потом бумагу вешали в сушилку, она там просыхала, и ее опять запаковывали в пачки.

Курчаков у Жарова было пятеро. Двое были совсем незаметные, но трое несколько выделялись из них. Один был Сысоев, тоже бывший солдат, коренастый, одутловатый, с бритым лицом и густыми черными усами. Он прежде жил в пожарных, в маленькой типографии вер-

тельщиком, в трактире кубовщиком, но пропивался, и его отовсюду прогоняли. К Жарову он поступил года два тому назад, прижился и чувствовал себя пока хорошо. У него были в деревне братья, но он от них отбился, как пришел со службы. Они не удерживали и его жену; жена пошла в Москву, связалась здесь с одним приказчиком и уехала в Одессу. Сысоев горько жаловался на братьев и все грозился, что он пойдет к ним и потребует свою часть, особенно когда бывал пьяным. Но он уже несколько лет не был дома; завел себе приятельницу, какую-то Бурлиху, женщину без определенных занятий, и, получивши жалованье, ходил к ней, кутил с нею весь праздник, прокучивал все и опять работал до следующей получки.

Другой курчак был Абрам. Этот и родился в Москве, и брал паспорт в мещанской управе. Он был очень вялый, после работы всегда охал и держался за те места рук, которые выше локтей, жалуясь, что они у него болят. И по лицу было заметно, что он не совсем здоров. Оно было бескровное, глаза воспаленные, черная всклокоченная борода торчала как-то беспомощно. Он знал грамоту, любил божественное и имел семью. Его жена и маленькая дочка ютились где-то на Немецкой улице и занимались нищенством. Жена, маленькая, юркая, оборванная бабенка с необыкновенно красными пятнами на щеках, часто приходила к Абраму, приносила ему ситного, черствых пирогов, которые ей подавали в купеческих домах, и все соблазняла его бросить фабрику, идти жить с ней и заниматься ее ремеслом, которое было легко и прибыльно. Но Абрам не соглашался.

– Вот в монастырь я бы пошел, – говорил он иногда, – только жена связывает.

– Чем она связывает? Иди, – она без тебя проживет, – говорили ему товарищи.

– Где ж проживет! Соскучится.

– Соскучится – другого найдет, – велика штука!

– Другой не то: она меня любит, – с уверенностью говорил Абрам и мечтательно задумывался.

– Любит, как собака палку, – смеялись над ним.

Абрам с негодованием оглядывал своих товарищей и начинал горячиться.

– Нет, не так, – она меня вот как любит!.. Вы бы поглядели, как она меня жалеет!..

– Есть кого жалеть! Она лицемерит! Тебя жалеет, а сейчас, поди, с кем-нибудь за сороковкой сидит.

– Ну уж нет! Она – честная баба: с кем-нибудь не пойдет! она не Бурлиха...

– Что ты Бурлиху задеваешь? – вскидывался на Абрама Сысоев. – Что она тебе – таковая далась? Ты смотри, брат, не очень...

Затевался спор, в котором Абрама доводили до белого каления, и все над ним смеялись...

Третий курчак был Ефим. Он отличался от всех необщительностью, сосредоточенностью и трудолюбием. Работал он усердно и всегда молчал, ни над кем не смеялся, ни с кем не ссорился. Он был сектант, но какой секты – никто не знал. Из себя он был коренастый, среднего роста, с большой бородой, строгим, бледным лицом. Он ни с кем не дружил, и его как-то мало любили.

Спали клеильщики и курчаки прямо на полу, расстелив ряднины, и на день сваливали все свои постели в кучу и углу, так как в помещении приходилось паковать бумагу, и постели могли помешать. Только над лестницей в уголке были устроены небольшие нары. Это место принадлежало ездоку Егору.

Егор был тульский, жил у Жарова много лет и никогда не ездил в деревню; только один раз к нему приезжала жена, маленькая, худая, сморщенная бабенка, в поневе и лаптях. Егор, крепкий, мускулистый, с бородой лопатой, в кумачной рубашке, в жилетке и при часах, все время пилил ее и говорил: «Ну, зачем ты приехала? Ну, зачем? Ведь я деньги вам шлю, – чего же тебе еще надо?..» Жена прогостила у него три дня, и он опять проводил ее домой. После этого вот уже лет пять прошло, как она у него не бывала...

В будни все были заняты работой. Ночью спали. Так шли дни за днями. Перед праздником будничное однообразие несколько нарушалось. Все мылись в красильне, заменявшей им баню, надевали чистое белье и шли мирно о чем-нибудь беседовать или слушали чтение. Читал больше Абрам. Он или открывал «Жития», или брал у Ивана Федоровича получаемые им «Полицейские ведомости». «Жития» все слушали благоговейно, без замечаний, без рассуждений. «Полицейские ведомости», наоборот, вызывали массу толков. До войны любимым местом газеты был отдел о городских происшествиях, о кражах, убийствах и самоубийствах. Потом читался отдел объявлений: «Продается дом», «Пропала собака», «Нужна прислуга»... Когда же открылась война, читались телеграммы, велись обсуждения военных действий; причем дядя Алексей и Сысоев, как бывшие солдаты, говорили всегда авторитетно и внушительно. Но кончилась война, прошли дни свободы, и снова все вошло в прежнюю колею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.